

ПОСЛЕДНИЙ ЛЕГИОНЕР

— НАСЛЕДНИК ИМПЕРИИ —

АЗРЕТ ЗЕУШЕВ

Азрет Зеушев

**«Последний Легионер».
Наследник Империи**

«Автор»

2026

Зеушев А.

«Последний Легионер». Наследник Империи / А. Зеушев —
«Автор», 2026

Он потерял свой мир. Здесь он создаст Империю. Бывший офицер Алексей Воронцов погиб в бою, чтобы очнуться в теле юного аристократа. Кайрон Арден — последний выживший из древнего рода. Его отец убит, замок захвачен соседом-предателем, а за голову наследника назначена награда. Этот мир знает магов, жрецов и рыцарей, но никто не помнит о Легионерах. Тысячу лет назад великая Империя покорила континент, объединяя силу сотен воинов в единую мощь. После падения Империи знание было уничтожено. Теперь Алексей — единственный, в ком пробудилась кровь древних командиров. У него нет армии. Нет союзников. Нет права на ошибку. Но он не привык сдаваться. Собрать горстку верных людей, отбить родовой замок и возродить Легион — это только начало. Потому что враги не дремлют. И кое-кто очень могущественный помнит, как пала Империя, и не допустит её возвращения. Первая книга цикла «Последний Легионер».

© Зеушев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Азрет Зеушев

«Последний Легионер».

Наследник Империи

Пролог

Пепел на ветру

Холм умирал.

Тысячу лет назад здесь стояла цитадель, и её зубцы смотрели на восток, откуда каждое утро приходит солнце. Теперь от стен остались оплывшие каменные рёбра, торчащие из земли, как кости неведомого зверя. Ветер таскал по склону серый пепел, смешивал его с пылью и уносил в долину, где чернели остовы сгоревших деревьев.

Человек на вершине холма стоял неподвижно. Доспех, когда-то серебряный, почернел от копоти, левый наплечник висел на одном ремне, нагрудник пересекала глубокая борозда — след боевого молота. Он не замечал этого. В правой руке он сжимал древко штандарта. Тяжёлое, окованное железом, с перекладиной в виде орлиных крыльев. Самого орла на навершии уже не было — сорвали, растоптали, бросили в грязь.

Он не выпустил древко. Даже когда пробили строй. Даже когда пали последние из его когорты. Даже когда маги ударили пламенем в спину.

Имперский Легионер. Последний.

Звали его по-разному. В хрониках, которые ещё напишут враги, он останется безымянным. В песнях, которые сложат через сотни лет, его имя переврут, перекроют, припишут другому. Но сейчас, на этом холме, он был просто человеком, который потерял всё, за что сражался.

Империя лежала в руинах. Маги, которых Император когда-то приблизил, которым доверил место в Совете, ударили в спину. Не все. Но хватило. Гарнизоны вырезали, легионы рассеяли, столицу сожгли дотла. Организованно, продуманно, жестоко. Империю убили не мечом — предательством.

Человек на холме знал, что идёт последний бой. Не его одного — всего, что он любил. Он слышал топот копыт внизу, в долине. Всадники магов прочёсывали местность, добивали раненых, жгли обозы. Скоро доберутся и до него.

Он опустил взгляд на древко. Пальцы, сбитые в кровь, сжимали дерево с такой силой, что побелели костяшки. Штандарт. Орёл. Душа Легиона. Пока орёл в небе — легион стоит. Так говорили столетиями.

Легиона больше не было. Но орёл не должен был достаться врагу.

Он разжал пальцы. Медленно, преодолевая сопротивление собственного тела, опустил древко на землю. Снял с шеи цепочку с серебряной печатью — маленьким орлом с распростёртыми крыльями. Точно таким же, какой был на навершии. Личный знак. Такие давали только легатам. Только тем, кто вёл за собой когорты.

Он прижал печать к губам. Закрыв глаза.

— Прости, — сказал он. Тихо, хрипло. Ветра почти не было, но слова унесло сразу, как будто воздух не хотел их слышать. — Прости, что не уберёг.

Всадники были уже близко. Он слышал, как позвякивает сбруя, как переговариваются маги — резко, отрывисто, на языке, который когда-то считался мёртвым. Они не торопились. Знали, что последний Легионер никуда не уйдёт с этого холма. Знали, что он будет стоять до конца. Такова была их природа — доводить всё до конца, даже собственную гибель.

Он поднял голову. Небо над холмом было серым, низким, но на востоке, над кромкой леса, пробивалась узкая полоска света. Солнце ещё всходило. Вопреки всему.

Он сжал печать в кулаке.

— Ты вернёшься, — сказал он. Не себе. Не мёртвым товарищам. Ей. Печати. Идее, которую она несла. — Когда последний из крови вспомнит, что значит быть единым. Тогда ты вернёшься.

Он вонзил древко штандарта в землю. Без орла, без знамени — просто палку с перекладиной. Но даже так она стояла прямо, как копье, нацеленное в небо.

Потом он развернулся лицом к поднимающимся по склону всадникам. Их было много. Два десятка, не меньше. Маги в тёмных плащах, с посохами, на которых тлели багровые кристаллы. И среди них — один, выше остальных, в золотой маске. Тот, кто командовал. Тот, кто нанёс первый удар.

Легионер вытащил меч. Тяжёлый, с выщербленным лезвием, с рукоятью, обмотанной пропитанной кровью кожей. Он не рассчитывал победить. Он не рассчитывал выжить. Он просто делал то, что должен был делать Легионер.

Стоять.

Всадники остановились. Тот, что в золотой маске, поднял руку. Маги замерли, ожидая приказа.

— Ты всё ещё здесь, — произнёс он. Голос был глухим, безликим, искажённым металлом маски. — Империя пала. Твои братья мертвы. Зачем ты стоишь?

Легионер поднял меч.

— Потому что я — Легионер, — сказал он. — А Легионер не встаёт на колени.

Золотая маска помолчала. Потом опустила руку.

Маги ударили одновременно.

Пламя накрыло вершину холма. Жар был такой, что камень плавился, а воздух обращался в стекло. Но в последнюю секунду, прежде чем огонь поглотил его целиком, Легионер разжал кулак. Серебряная печать упала в пепел. Металл раскалился добела, орёл на миг вспыхнул ослепительным светом — и погас.

Печать исчезла. Не расплавилась, не разрушилась — пропала. Как будто её никогда не было.

Маги не заметили этого. Они смотрели на холм, где только что стоял последний защитник Империи. Теперь там было только чёрное пятно выжженной земли и одинокое древко штандарта, которое почему-то не сгорело.

Золотая маска развернула коня.

— Всё кончено, — бросил он. — Империя мертва.

Он ошибался.

Империя умирала долго — тысячу лет. Но окончательно не умерла. Где-то в земле, под слоем пепла, под спудом времени и лжи, ждал серебряный орёл. Ждал, когда последний из крови вспомнит, что значит быть единым.

И где-то далеко, за много миль от этого холма, ещё не родившийся мальчик по имени Кайрон Арден впервые шевельнулся во сне. Ему ничего не снилось. Но пальцы его правой руки сами собой сжались в кулак — так, словно держали что-то маленькое, серебряное, с распротёртыми крыльями.

Тысяча лет подходила к концу.

Глава 1

Дар падальщика

Сознание возвращалось рывками.

Сначала — запах. Сладковатый, с железным оттенком. Так пахнет только смерть, пролежавшая на солнце несколько часов.

Потом — звук. Надсадное карканье. Воронё орало где-то совсем близко, и от этого крика хотелось заткнуть уши. Руки не слушались.

Я открыл глаза. Небо — серое, низкое, чужое. Даже цвет неправильный. Слишком блёк-лый, будто выцветший.

Вдохнул. Закашлялся. Рот наполнился чем-то солёным, густым. Кровь. Сплюнул. Тём-ная, почти чёрная на фоне пожухлой травы. Моя? Или чужая? Непонятно.

Попытался пошевелиться. Тело отозвалось болью — острой, рваной, везде сразу. Рёбра, плечи, шея. Как будто меня пропустили через камнедробилку и забыли собрать обратно. Но боль — это хорошо. Боль означает, что я жив. Остальное поправимо.

Упёрся ладонями в землю. Правая легла на что-то холодное. Скосил взгляд. Чужое лицо. Молодой парень, может, двадцать лет, с пробитым виском и застывшим взглядом. Мёртвый. Давно.

Рука дрогнула, но я заставил себя не одёргивать её. Не время для слабости.

Сел. Осмотрелся.

Поле. Заваленное трупами. Три десятка тел, не меньше, разбросаны по склону вперемешку с обломками щитов, сломанными копьями и дохлыми лошадьми. Бойня. Здесь кого-то вырезали основательно, с душой. Лужи крови уже запеклись по краям, но запах стоял такой, что хотелось дышать через раз.

Я опустил взгляд на себя.

Одежда — добротный кожаный дублет, расшитый серебряной нитью. Сейчас он висел ключьями, пробитый в нескольких местах. На боку — заскорузлая дыра с бурым пятном. След от удара. Ножевого, судя по ширине. Ножны на поясе пустые. Сапоги — один мой, второй явно стащен с чужого трупа, потому что жал на два размера меньше.

Поднял руки. Тонкие запястья. Длинные пальцы без единого шрама. Никакой наколки с группой крови. Не мои руки. Совсем не мои.

Я помнил другое.

Пустыня. Пыльный ветер, от которого трескаются губы. Погрузка. Крики. И яркая белая вспышка — без звука, без боли, просто свет, сжирающий всё.

Детонация.

А потом — провал. Темнота. И вот это поле.

Чужое тело. Чужой мир. Чужая смерть, которая почему-то обошла меня стороной. Или не обошла — просто кто-то другой умер вместо меня.

Парень, в чьей шкуре я очутился. У него было имя. Я чувствовал это где-то на границе сознания — ускользающее, как обрывок сна. Кайрон. Точно. Кайрон Арден. Восемнадцать лет. Наследник древнего рода. И, судя по дыре в дублете, покойник.

Оттянул край одежды. Рана была глубокая, колотая — такая убивает за час, если не пережать артерию. Но края уже закрылись грубым фиолетовым струпом. Как будто прошло не меньше недели. Слишком быстро. Слишком неправильно.

Магия? Регенерация? Ладно, разберусь позже. Сейчас нужно было убраться отсюда.

Я заставил себя встать. Ноги держали отвратительно. Вестибулярный аппарат явно не откалиброван под новое тело — шагнул, и мир качнулся, поплыл в сторону. Ухватился за обломок копья. Переждал. Выдохнул. Пошёл дальше.

Первый меч нашёлся у мёртвого рыцаря с развороченной грудной клеткой. Полуторник, тяжёлый, с балансом, смещённым к клинку. Таким рубить — не фехтовать. Сгодится. Второй клинок, короткий, с широким лезвием, выдернул из-под лучника с болтом в горле. Заткнул за пояс.

Пока двигался, в голове всплывали обрывки чужих воспоминаний. Рваные, бессвязные. Высокий мужчина с седыми висками кладёт руку на плечо: «Береги сестру, Кайрон.» Запах конюшни. Факелы в ночи. Тревожный шёпот слуг: «Барон Вальден двинул дружину к переправе». Марш, холод, пар изо рта. И потом — человек с гербом в виде скрещенных молотов. Улыбается. Подходит слишком близко. Резкая боль под ребро. Удивление. Темнота.

Я замер.

Предательство. Кто-то из своих ударил в спину. Не враг — союзник. И бросил здесь, на поле, вместе с остальными. Добивать не стали. То ли торопились, то ли были уверены, что не выживет. Почти угадали.

Только теперь в теле был я.

И я не собирался подышать ради чужой ошибки.

Нагнулся подобрать арбалет — и пальцы сами сжались на чём-то под рубахой. Медальон. Серебряный орёл с распростёртыми крыльями на потемневшей цепочке. Я не помнил, как схватился за него. Тело среагировало само — рефлекс, вбитый в мышечную память прежнего хозяина.

Перевернул медальон. На обороте гравировка. Тонкая, почти стёртая. «Арден. Помни, кто ты.»

— Помню, — сказал я вслух. Голос чужой, молодой, но интонации уже мои. — Ты — Кайрон Арден. А я — тот, кто за тебя отомстит.

Спрятал орла под одежду. Затянул ремни потуже. Осмотрел поле в последний раз.

И услышал голоса.

— Говорю тебе, там кто-то шевелился.

— Показалось. Кому там шевелиться? Трупы, они и есть трупы.

— А я говорю, проверю. Не нравится мне это.

Из-за деревьев, окаймлявших поле с востока, вышли трое. Оборванцы. У первого — щербатая ухмылка, ржавый тесак на поясе и дырявый шлем-мисюрка на голове. Второй, коротконогий крепыш, держал копьё с зазубренным наконечником. Третий, самый высокий, нёс арбалет на изготовку.

Мародёры.

Увидели меня. Остановились. Переглянулись.

— О, — сказал щербатый. — А вот и живой. Господин хороший, а мы уж думали, тут одна падаля.

Он шагнул ко мне. Остальные расходились полукругом. Высокий держал арбалет наведённым, палец на спусковом крючке.

Я стоял молча. Опустил плечи, сделал вид, что едва держусь на ногах. Левая рука чуть отведена, правая ближе к короткому клинку на поясе. Расстояние — пятнадцать шагов. Арбалетчик на семь часов. Копейщик заходит справа. Щербатый — центр, приманка.

Мышцы болели, но голова была ясная. Холодная. Как перед любой дракой, в которой не собираешься проигрывать.

— Слушай, парень, — щербатый говорил вкрадчиво, с этакой ласковой гнильцой. — Мы люди простые, мы помочь хотим. Ты раненый, один. Давай мы тебя проводим. А за труды возьмём, что не жалко. Плащик там, сапоги. И кошель, если есть.

Кошеля не было. Но ему это было неважно.

— Эй, ты что, язык проглотил? — он нахмурился. — Не тупи. Мы же по-хорошему.

Подошёл вплотную. Протянул руку к воротнику моего дублета. Пальцы грязные, с жёлтыми ногтями. От него пахло луком и застарелым потом.

Я не стал ждать.

Шаг вперёд — короткий, слитный. Клинок пошёл снизу вверх, под челюсть, где нет кости, только мясо, трахея и артерии. Лезвие вошло мягко, вышло с хрустом. Щербатый захрипел, выронил тесак, захлопал руками по воздуху, будто пытался взлететь. Кровь хлынула на траву, на мои сапоги.

Я уже уходил влево. Арбалетчик выстрелил. Болт просвистел над плечом, чиркнул по коже, разорвал ткань. Царапина. Больно, но не смертельно.

Копейщик дёрнулся вперёд, выставил копьё. Медленный. Слишком медленный. Я перехватил древко левой рукой, крутанул корпусом, выламывая оружие из его пальцев. Правая рука тем временем всадила клинок ему в живот. Снизу вверх. Мясо, хруст, горячая кровь на костяшках.

Арбалетчик перезаряжал. Трясущиеся пальцы скользили по тетиве, болт никак не ложился в паз. Он смотрел на меня, и в его глазах я видел то, что видел сотни раз до этого. Осознание. Он понял, что ошибся адресом. Что перед ним не жертва.

— Стой! — заорал он. — Стой, я уйду! Я всё брошу! Клянусь!

Я шагнул к нему. Молча. Он видел моё лицо — и знал, что я не остановлюсь.

Бросил арбалет. Побежал.

Тяжёлый меч догнал его у кромки леса. Удар наискось, между шеей и плечом. Он рухнул лицом в палую листву. Не вскрикнул. Просто упал.

Тишина.

Вороньё снова заорало. Ветер шелестел травой. Три тела лежали на земле, и кровь впитывалась в сухую почву.

Я вытер клинки об одежду мертвецов. Руки не тряслись. Дыхание было ровным. Три минуты, три трупа. Тело мальчишки работало хуже моего старого, но рефлексy остались. А рефлексy — это то, что не пропьёшь и не потеряешь.

Присел над щербатым. Обыскал. Несколько медяков, кусок вяленого мяса, огниво. У копейщика срезал сапоги — грубая кожа, зато оба на одну ногу и почти не дырявые. Накопец-то. У арбалетчика забрал болты и сам арбалет, повесил на плечо.

И только закончив, заметил, что правая ладонь снова сжимает медальон. Орёл. Я не помнил, когда достал его. Тело жило своей жизнью, цеплялось за этот кусок серебра, как за спасательный круг.

Разжал пальцы. Посмотрел на орла.

— Ладно, — сказал я ему. — Разберёмся.

Солнце цеплялось за верхушки деревьев. Скоро стемнеет. Нужно уходить.

Чужая память услужливо подсказала направление. На восток. Там, в дне пути, стояла старая мельница. Заброшенная, спрятанная в овраге. О ней знали только свои. И там, если верить обрывкам мыслей Кайрона, пряталась его сестра. Лира. Если её ещё не нашли люди барона Вальдена. Если она ещё жива.

Я забросил арбалет на плечо, поправил меч и зашагал вниз по склону. На восток, к лесу. За спиной осталось поле. Трупы. Вороньё.

Впереди была дорога. И где-то в конце этой дороги — ответы. Кто предал Кайрона? Почему барон Вальден напал на соседа? И главное — какого чёрта я оказался в этом теле и что мне теперь со всем этим делать?

Шагал и слушал лес. Птицы молчали. Ветра почти не было. Только хруст веток под ногами и далёкий стук сердца в ушах.

Выжить. Для начала — просто выжить. Остальное потом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.